ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

Мышонок Мишик

«АСТРЕЛЬ»

Художники
Г. и Е. Огородниковы

ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

МЫШОНОК МУЦИК

Сказка

**Весёлые и грустные приключения
серого мышонка,
рассказанные им самим**

«Астрель»
1997

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Здравствуйте, это я… Нет, нет, вы не туда смотрите: я здесь, внизу, в уголке. Видите?.. Очень приятно. Меня зовут Мыцик, мышонок Мыцик. Хорошо, что мы с вами встретились, у меня сегодня большая радость, такая большая, что обязательно надо с кем-нибудь поделиться. Моя соседка, тётушка Марина, собирается подарить мне во-о-от такого кота… Она уже даже пошла за ним, а я сижу и думаю: за что мне, такому маленькому, такой большой подарок? Я же никаких подвигов не совершал, просто делал всё, что мне положено. Честное слово! Не верите — могу рассказать. Только надо поскорее, а то сейчас придёт тётушка Марина с подарком, тогда не до вас будет. Ну, так вот, сперва —

ПРО НОВОСЕЛЬЕ

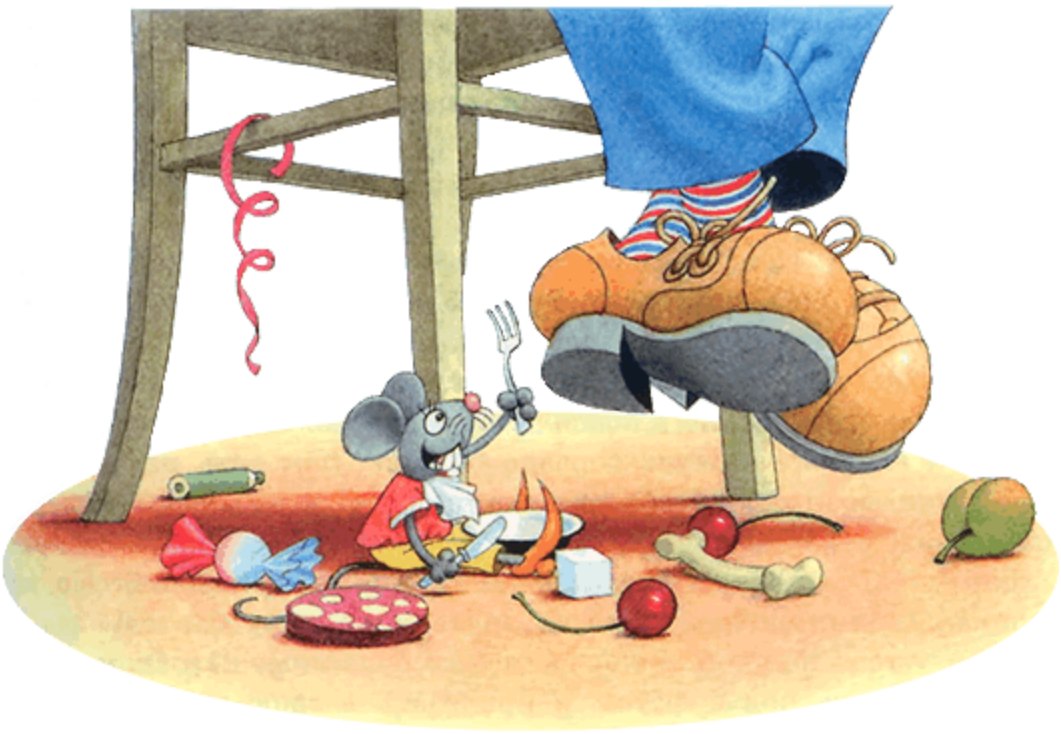
Когда-то у меня была отдельная норка на окраине города. Однажды пришли каменщики и плотники и пристроили к ней подвал, разные помещения, коридоры, лестницы. Получился большой дом с одной норкой, тремя комнатами и кухней.

Мастера так торопились на новое строительство, что забыли проделать ход из моей норки в столовую. Но я не хотел их беспокоить и сделал всё сам: прогрыз чудесную дверцу-щёлочку за буфетом.

Когда всё было готово, я решил, что пора познакомиться с соседями и поздравить их с новосельем. Я причесал усы, пригладил, как полагается, шёрстку и выглянул из норки. На меня сразу пахнуло варёной курицей. «Очень хорошо, — подумал я, — попал прямо на торжество: хозяева обедают!»

Так оно и было. За столом, друг против друга, сидели толстая тётенька в очках и худой мальчик, её сын. Это и были мои соседи: тётушка Марина и Петя. Мне они сразу понравились. Люблю людей, которые обедают.

Я на цыпочках забежал в комнату, тихонечко пожелал им приятного аппетита и уселся под Петиным стулом. Здесь было очень весело: Петя болтал ногами и рассыпал во все стороны крошки.



Когда все вкусные кусочки были съедены, я постучал по Петиному ботинку и попросил добавки. Петя увидел меня и обрадовался. Он сразу залез под стул и угостил меня чудесным кусочком курицы.

Тётушке Марине тоже стало интересно, и она спросила:

— Что ты там делаешь?

— Гостя угощаю, — ответил Петя.

— Сейчас же вернись на место! — приказала тётушка Марина. — Когда обедают, все должны сидеть за столом!

Я сразу догадался, что меня тоже приглашают. Но было как-то неудобно: только познакомились — и уже за стол. И я остался на прежнем месте. Петя меня понял и бросил под стул целую куриную ножку.

Тут уж тётушка Марина не выдержала — нагнулась и посмотрела на меня сквозь свои толстые очки.

— Ах! Ах! Боже мой, что ж это такое?! — закричала она. — Лови его! Лови!..

И они вдвоём стали за мной гоняться, чтобы усадить за стол.

Потом тётушка Марина вскочила с ногами на диван и начала оттуда командовать:

— Петенька, он под стулом! Петенька, он под столом! Скорей, скорей!

Сперва мы с Петей просто бегали, а потом стали играть в горелки. Он гонялся за мной, а я за ним. Мы так веселились, что дрожали все окна и мебель. А когда Петя наткнулся на стол — тарелки, все как одна, спрыгнули на пол.

Бах-дзинь! Дзинь-бах! — началась настоящая музыка.

Тётушка Марина тоже оживилась. Она начала бегать по дивану и бросать в меня разные вещи. Было очень весело.

Я был рад, что сумел расшевелить своих новых соседей. Петя тоже остался доволен. А вот с тётушкой Мариной вдруг сделалось плохо. Она легла на диван и, глядя на тарелочные осколки, жалобным голосом заговорила:

— Жизни нет от этого ребёнка!..

Но Петя сразу её успокоил. Он объяснил ей, что посуду бьют на счастье.

Тогда тётушка Марина ещё горестней запричитала:

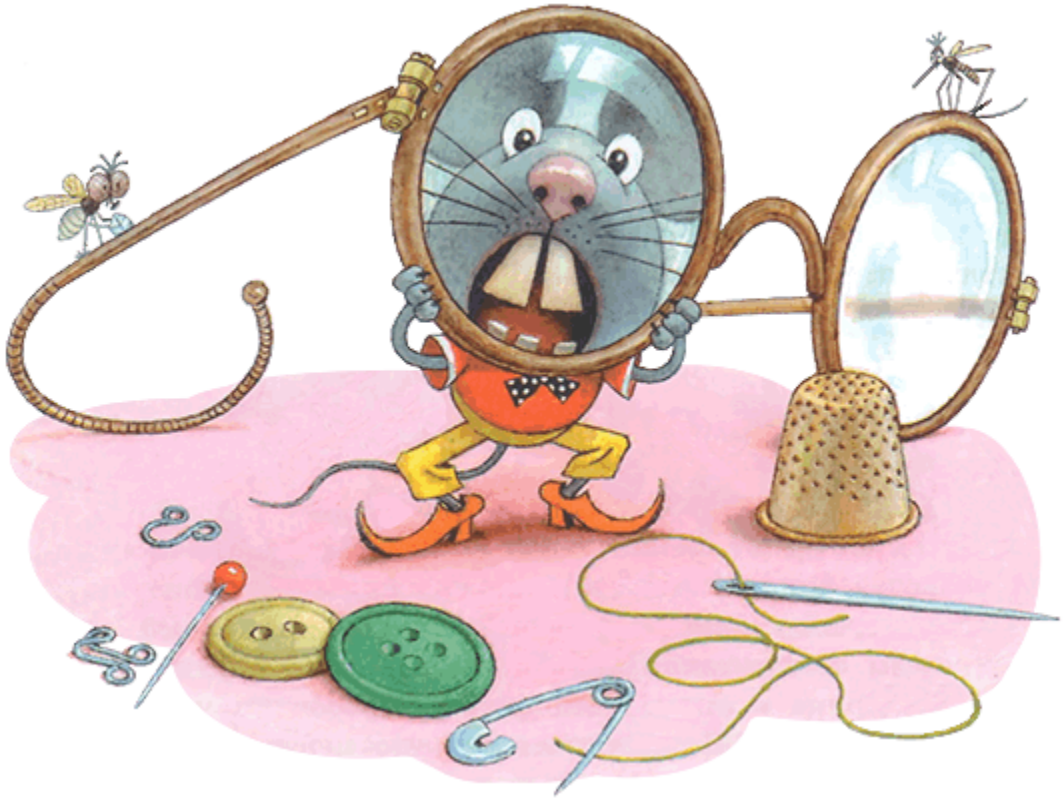
— А ботинки каждую неделю тоже бьют на счастье? А кляксы и двойки тоже на счастье? А мне одной по хозяйству вертеться — тоже большое счастье?!

Тут я понял, что веселью конец, что пора закатывать рукава и браться за дело. Если в доме трудности — сосед не должен стоять в стороне.

Вот только мне почему-то кажется, что тётушка Марина меня боится. Если б это было не так, она бы тоже играла с нами в горелки и не лезла бы с ногами на диван. Я совсем не хочу, чтобы меня боялись, я хочу, чтобы меня все любили. Поэтому прежде всего надо выяснить —

ПОЧЕМУ ТЁТУШКА МАРИНА МЕНЯ БОИТСЯ

Оказывается, у тётушки Марины в очках увеличительные стёкла. Когда я смотрю ей в глаза, то вижу целые чайные блюдца. Значит, я ей тоже кажусь гораздо больше, чем есть на самом деле. Вполне возможно, что она принимает меня за слона. Ведь слоны тоже серого цвета. И у них тоже большие красивые уши. Только хвост у слонов спереди, а не сзади, как у мышей. Но ведь тётушка Марина может этого не знать и поэтому боится.



Я рад, что я не слон. Если бы я был большим, как слон, то как бы я мог бегать под буфетом и пролезать в свою норку?

А может быть, тётушка Марина на меня обиделась? Сейчас все строят отдельные квартиры, а у неё оказалась с соседом. Так ведь не я к ней, а она ко мне присоседилась. Но я и не думаю обижаться, напротив — я рад.

Тётушке Марине придётся с этим примириться, потому что без меня теперь в доме не обойтись. Ну кто, например, как не я, должен заняться Петиным воспитанием?

Поэтому я вам сейчас расскажу,

КАК Я ПОМОГАЮ ПЕТЕ ДЕЛАТЬ УРОКИ

Петя мне понравился сразу. Особенно когда я увидел его карандаши и ручки. Все они обгрызенные. У него эта работа очень хорошо получается. К тому же все его книжки, игрушки и модели свалены в одну превосходную кучу. Там есть и шуршащая папиросная бумажка, и вкусный мучной клей, и старые каштаны, и даже сладкие обёртки от конфет. Мы с ним любим рыться в этой куче, а я часто отдыхаю в ней после обеда: зароюсь и сплю. Раньше тётушка Марина эту кучу убирала, а теперь почему-то не прикасается к ней.

Куча выросла, и в ней теперь, пожалуй, спрячется настоящий слон.

Мы с Петей живём дружно и прежде всего готовим вместе уроки. Делается это так.

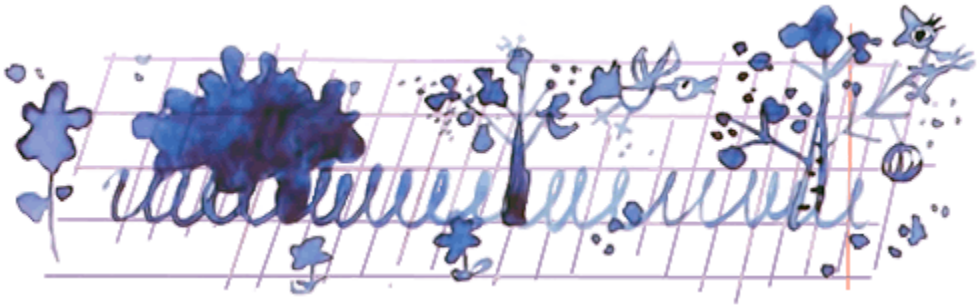
Петя раскладывает на столе учебники и тетради, ставит чернильницу, берёт в руки ручку и… начинает её грызть: делает вид, будто думает. А когда тётушка Марина уходит в кухню варить нам обед, он сразу кладёт возле буфета кусочек колбасы.

Колбаса — это наш условный сигнал. Он так вкусно пахнет, что я моментально выбегаю из норки и съедаю весь условный сигнал. Потом забираюсь к Пете на стол, и мы начинаем готовить уроки.

Петина школьная форма тоже серого цвета, точно как у меня, и мы с ним выглядим как два прилежных ученика. Петя пишет, а я смотрю — красиво или нет. Больше всего мы любим писать буквы «Ш» или «Т» прописные. Потому что в этих буквах по три палочки. Но Пете всегда кажется, что три палочки — это мало, и он пишет их шесть или

семь — ему не жалко. Получается очень красивая буква, похожая на забор. Вот такая:

Ну а если в тетрадке уже есть забор, то хочется за ним нарисовать дерево или цветной сад. Вот такой:



А если уже есть деревья, то на них должны расти фрукты.

Фрукты делать тоже нетрудно. Надо получше макнуть перо в чернильницу и встряхнуть над тетрадкой. На деревьях сразу вырастают синие яблоки, груши и даже синие дыни. Надо только не жалеть чернил. Вот, скажем, если Петя пишет слово «каша», то выглядит оно так:

Очень вкусная каша, с фруктами.

Однажды, когда такая каша была готова, из кухни прибежала тётушка Марина и стала Петю ругать: требовать, чтобы он переписал всё сначала. Но Петя заявил, что переписывать не будет, а только, может быть, сотрёт кляксы. И пусть ему ещё за это спасибо скажут. И

стирать он их будет только тогда, когда тётушка Марина снова уйдёт на кухню. Тётушка Марина согласна на всё, лишь бы работа была исправлена. «Уйду, уйду, уйду!» — заявила она и хлопнула дверью. Ну а Петя полез в нашу кучу искать резинку.

Но я уже вам рассказывал про эту кучу. В ней теперь не то что маленькую резинку, в ней теперь самого Петю не найдёшь.

Короче, в этот раз я решил ему помочь не советом, а делом. Пока Петя искал резинку, я залез на тетрадь и старательно начал выгрызать синие яблоки, груши и дыни. Когда вернулась тётушка Марина, я как раз приканчивал последнюю дыню.

Но неожиданно вышла неприятность.

Тётушка Марина сразу догадалась, что Петина работа не самостоятельная, что сам Петя никогда не смог бы в тетрадке прогрызть такие аккуратные дырочки. И принялась ещё сильнее его

ругать. А потом схватила тяжёлый учебник и бросила его в угол, как раз туда, куда я спрятался. Книжка угодила мне прямо в голову, да так, что в глазах потемнело.

В общем, досталось нам обоим. Но я на тётушку Марину не обиделся: я понял, что это она обо мне тоже заботится, хочет, чтобы я учился. Не зря же она в меня учебник бросила. «Ученье — свет, а неученье — тьма!» Поэтому у меня и потемнело в глазах.

«Надо немедленно браться за науку!» — подумал я. Но как раз в эти дни приближалось очень важное событие: в Петиной школе готовился костюмированный бал-маскарад, и учёбу пришлось отложить. Я решил: помогу Пете сделать маскарадный костюм и прославлю его на всю школу. Поэтому в следующей истории вы узнаете,

КАК МЫ С ПЕТЕЙ ГОТОВИЛИСЬ К МАСКАРАДУ

Мы с Петей ещё с утра приготовили краски, кисточки, картон и бумагу, а после обеда приступили к работе.

Решено было сделать маску льва. Грозную, страшную, чтобы все боялись. Комиссия, которая будет раздавать призы, увидит, испугается и сразу отдаст Пете первый приз. А может быть, даже все сразу.

Сперва мы вырезали из картона голову льва. Потом проделали дырки для глаз и пасти. Осталось только раскрасить.

Вот тут-то и вышла закавыка: старая история с кисточками. Стоит ими только начать красить, как они моментально лысеют.

Прошло ровно две минуты, и у Пети в руках остались одни палочки. А все щетинки очутились на маске. Получился какой-то небритый лев.

Работа остановилась.

Не долго думая, Петя побежал в магазин за новыми кисточками. Тут за дело взялся я. У меня же кисточка не магазинная, собственная — мой хвост. Он-то уж так скоро не облысеет.

Я стал макать хвост в самые красивые краски и водить им по морде льва. Через минуту всё было готово. Лев получился ещё страшнее, чем мы хотели, — синий, чёрный, зелёный.

«Ох, и обрадуется Петя!» — подумал я.

Но всё опять получилось не так. Петя почему-то рассердился и изорвал маску на мелкие кусочки. А на другую маску картона уже не было. Пришлось придумывать новый костюм. Думали, думали, наконец придумали — Петя начал прыгать по комнате и радостно кричать:

— Я знаю, знаю, что делать! Я приду на маскарад татуированным индейцем! Не нужен мне никакой картон, я сам себя разукрашу!..

Петя тут же разделся до пояса, поставил перед собой зеркало и взялся за краски. Сперва он красными и жёлтыми полосами раскрасил себе лицо. Потом нарисовал на груди орла и мишень, а на руках кольца всех видов. Даже на спине он умудрился навести разные линии. Получился чудесный индеец. Когда же он воткнул в волосы куриные перья, то стало ясно, что такого костюма ни у кого на маскараде не будет.

Я так позавидовал Пете, что решил тоже перекраситься — сделаться индейским мышонком. В блюдце оставалась густо

разведённая зелёная краска. Я забрался в него, повалялся немного и вылез. Лапы и нос я засунул в остатки красной краски — и дело готово. Костюм у меня получился не хуже, чем у Пети. Потом мы с ним начали бегать по комнате и пищать, как индейцы. А я ещё вдобавок поползал на животе и покатался на спине. Поэтому пол в столовой тоже получился индейским.

— Ну, пора на маскарад! — сказал Петя.

А я подумал, что хорошо бы взять с собой на маскарад пол, потому что он тоже получился очень красивый и его никто не узнает.

Так оно и вышло.

Как раз в эту минуту в комнату вошла тётушка Марина.

Она сперва зашаталась, потом всплеснула руками, потом воскликнула:

— Что же это творится?! Квартиры нельзя узнать!..

— Правильно, — сказал Петя, — потому что мы индейцы! Мы идём на маскарад!

— Сейчас тебе будет маскарад! Сейчас ты у меня получишь головомойку! — закричала тётушка Марина и потащила индейца в ванную комнату.

Ну, я без Пети в школу на маскарад, конечно, не пошёл, потому что это было бы не честно, не по-товарищески. Поэтому я тоже побежал в ванную.

Тётушка Марина устроила Пете не только головомойку, но и спиномойку, и рукомойку, и всякую другую мойку. А я сидел под ванной и ожидал своей очереди. Когда Петя снова стал Петей, а не индейцем, я подполз к тётушке Марине и попросил её сделать мне тоже головомойку, брюшкомойку, лапомойку и хвостомойку.

Но тут произошёл несчастный случай. Тётушка Марина посмотрела на меня, взмахнула руками и закричала:

— Ах, ах, он уже зелёный!

Конечно, я был зелёный. Какой же ещё?.. Но тётушка Марина, видно, решила, что у меня какая-то зелёная болезнь, и так разволновалась, что упала в обморок. Я стал пищать: «На помощь! На помощь! Скорей на помощь тётушке Марине!..» И пищал до тех пор, пока не пришёл доктор с большим шприцем и не сделал тётушке Марине укол. А мы с Петей сразу спрятались за шкаф, чтобы нам по ошибке тоже не сделали укола.

Потом тётушка Марина жаловалась доктору на свою тяжёлую жизнь. Она говорила, что всё ей теперь кажется зелёным и что всё она путает да путает. Утром ей надо было починить туфли и поджарить картошку, а она починила картошку и поджарила туфли… Завтра она ожидает гостей, а в доме творится безобразие.

В этот вечер мы все втроём мыли в доме индейские полы. А тётушка Марина ещё успела замесить тесто для пирожков.

Тут я и подумал, что из-за Пети совсем не уделяю внимания тётушке Марине и она, конечно, на меня обижается.

Пете я уже много напомогал.

Теперь буду помогать тётушке Марине.

КАК Я ПОМОГАЛ ТЁТУШКЕ МАРИНЕ ДЕЛАТЬ ПИРОЖКИ С МАКОМ

За то время, что ко мне подселились соседи, я проделал в доме большую работу: во всех шкафах и буфетах прогрыз небольшие дырочки. Это для того, чтобы тётушка Марина знала, где у неё лежат продукты.

Дырочки в доме — это как дырочки в швейцарском сыре: чем их больше, тем лучше. Пусть тётушка Марина видит, что я не даром ем хлеб, муку, сало, масло, смалец, сметану, колбасу, сосиски, сардельки,

сыр, сахар, манку, гречку, овсянку, рис, макароны, свечи и вообще всё, что она для меня приносит.

Кроме дырочек, я ещё помогаю тётушке Марине готовить разные блюда.

Но пирожки с маком мы с ней делали впервые.

С утра тётушка Марина раскатала тесто, нарезала его кружочками, натолкла мак.

Я знал, что ей понадобится моя помощь: ведь она плохо видит. А тут ещё очки свои куда-то задевала. Это стало заметно сразу, как только она начала мак на тестовые блинчики накладывать: на один мало положит, на другой много. Вот я и стал отъедать лишний мак, чтобы пирожки одинаковые получились.

Ел, ел, пока спать не захотел. От мака всех ко сну клонит, это давно известно.

Смотрел я на блинчики, зевал и думал: «Из теста может хорошая постелька получиться — мяконькая, вкусная. Надо будет у тётушки Марины кусочек одолжить. Захотел — поспал, захотел — поел… Вот возьму сейчас и прилягу на свободный блинчик…»

Только пока я зевал — прозевал последний блинчик: тётушка Марина на него уже мак положила. Пришлось идти на своё место.

Но до норки я не дошёл — сон свалил меня на дороге, прямо под диваном.

Проснулся я от Петиных криков.

«Ура! — кричал он. — Пирожки готовы! Посмотрите, какие у нас пирожки!»

И действительно, пирожки получились пышные, румяные. Смотрел я на них и думал: «Молодец всё-таки тётушка Марина, сама без меня дело закончила».

Петя и мне дал пирожка попробовать. Но я больше мака не ел, решил — на сегодня хватит. А то ещё при гостях зевать начну, неудобно будет.

Когда вечером пришли гости, тётушка Марина налила всем чай и поставила на стол блюдо с нашими пирожками. Я за всем этим делом наблюдал из-под дивана.

Гости ели пирожки и очень хвалили.

— Прелесть! — причмокивали они языками. — Сто штук съешь и ещё захочешь!

А одна гостья особенно хвалила. Она разглядывала пирожки и говорила хозяйке:

— Они ещё у вас и с узором! Изумительный рисунок, какая-то птичья лапка…

Тётушка Марина тоже посмотрела на пирожки и ахнула:

— Какая птичья! Да это же, это же…

И сразу стала меня искать.

Тут все гости вскочили с мест, закричали и начали за мной гоняться, чтобы узнать рецепт, как готовить пирожки с узором.

Но вы мою скромность знаете. Я от своей работы не отказываюсь — все её видели, а слава мне не нужна. Пусть она достанется одной тётушке Марине.

И я спрятался за буфет.

Не успели гости разойтись, как произошло ещё одно радостное событие: к нам приехал долгожданный гость, родной брат тётушки Марины, знаменитый музыкант. Все бросились его обнимать и целовать. Но я не стал лезть гостю на глаза, решил — познакомлюсь

после, когда представится более удобный случай. И случай этот представился. Поэтому в следующей истории вы узнаете,

КАК Я ВЫСТУПАЛ В ТЕАТРЕ

Оказывается, брат тётушки Марины играет на флейте. Это чудесный инструмент. Ни один другой не может так тоненько пищать, как флейта. И выглядит она очень красиво: с одной стороны щелочка-пищалочка, с другой — норка, а посредине — блестящие кнопочки. Ко всему этому она ещё «пикколо» называется.

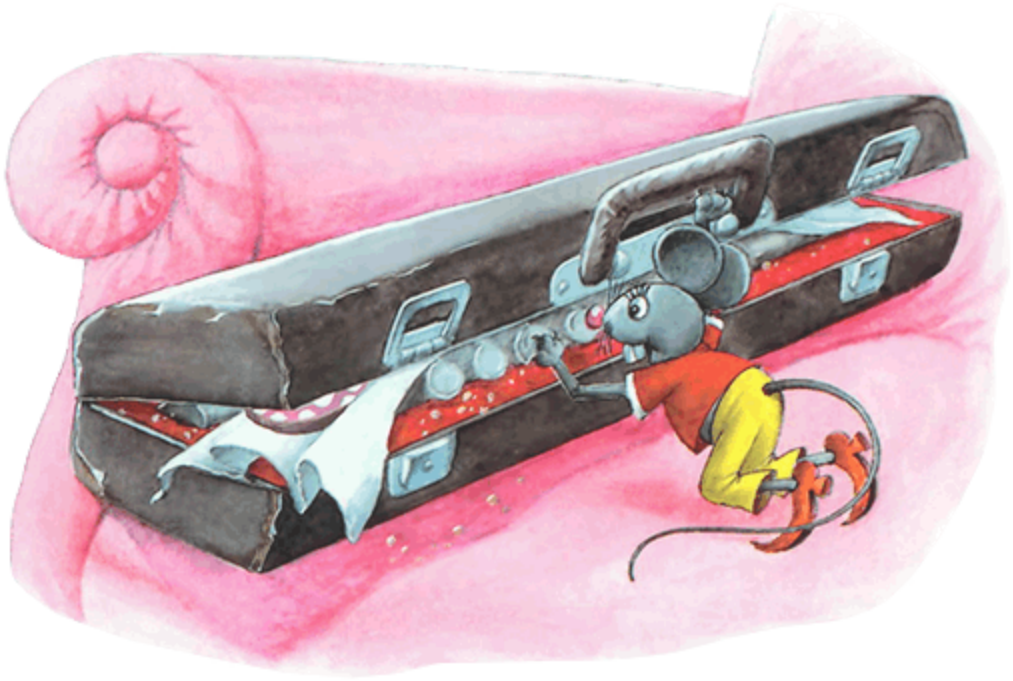
Дядюшка-артист нам в первый же вечер сыграл на ней и объявил, что завтра у него в театре концерт. Он один будет стоять на сцене и играть соло. Я сразу догадался, что он имеет в виду сало, и вся эта история мне ещё больше понравилась.

На концерт решили пойти все вместе, поэтому легли спать с хорошим настроением. Но утром дядюшка-музыкант вдруг заявил, что плохо себя чувствует и боится, что не сможет хорошо играть, «чего доброго, провалит весь концерт». Тётушка Марина стала охать, заламывать руки и переживать.

— Боже мой! — причитала она. — Я бы всё отдала, чтобы концерт прошёл хорошо! Я бы расцеловала того, кто выручит моего братца!

Услыхав последние слова, я немедленно решил помочь бедному музыканту и заодно ещё раз доказать тётушке Марине свою дружбу. Сделать мне это не трудно: флейту я всегда смогу заменить, особенно если она «пикколо». Там, где артист тоненькой ноты взять не сможет, я за него попищу. Одного я не знал: как попаду в театр?

Но всё решилось очень просто — помог счастливый случай. Помню, мне захотелось ещё разок посмотреть на этот чудесный музыкальный инструмент. Я залез на диван и увидал, что футляр открыт и в нём лежит-красуется эта самая «пикколо». Я немедленно забрался в футляр и, к своему удовольствию, кроме флейты, обнаружил на мягкой бархатной подстилочке прошлогодние крошки от сладкого печенья.



Потом по многим жирным, солёным и сладким пятнышкам я выяснил, что здесь побывали разные бутерброды, паштеты, селёдочка, огурчики, пирожные и конфеты. Короче, дядюшка-музыкант носил в своем футляре не только флейту, но и завтраки.

И вот, как только я залез в флейтину норку, чтобы познакомиться с ней поближе, крышка футляра захлопнулась и стало темно, как в банке с чёрной ваксой. Потом меня вместе с флейтой куда-то понесли. Оказывается, прямо в театр. Таким образом, я попал именно туда, куда надо было. Не помню, что было дальше, но, когда прозвонил звонок, дядюшка вынул из футляра флейту и мы с ним вышли на сцену. Все места в зале были заняты. Петя и тётушка Марина сидели в первом ряду и смотрели прямо на нас. Я очень волновался, потому что выступал первый раз в жизни.

К счастью, всё оказалось не так сложно. Когда я высунулся из флейтиной норки, то сразу увидал перед собой ноты. А они все похожи на мышек, на белых и чёрных, с хвостиками. И я сразу понял, что там написано. Поэтому, когда дядюшка трижды топнул ногой, мы вместе с флейтой запикали.

Успех был огромный. Зал зашумел от восторга. А Петя даже запрыгал, когда узнал меня.

Но самое главное было не это, самое главное было в конце. Дело в том, что мне приходилось крепко держаться за края флейты, потому что, когда дядюшка-музыкант играл, мне в спину всё время дуло. И вот, когда нам нужно было взять самую высокую ноту, дядюшка набрал в лёгкие побольше воздуха, да как дунет — я не удержался и, словно пуля, вылетел из флейты. Перенёсся через весь зал и шлёпнулся прямо у выхода. Публика от восхищения вскочила с кресел.

Такого музыкального трюка в этом городе ещё ни один артист не делал.

В общем, получилось всё здорово. Наше выступление закончилось даже раньше, чем надо. Я побежал в раздевалку, нашёл Петино пальто.

Сделать это было нетрудно, потому что это пальто самое красивое: на нём спереди и сзади разные пятна.

Как только я залез в карман, публика прибежала в раздевалку…

Обратно мы ехали в такси и долго не могли отделаться от пережитых впечатлений. Дома тётушка Марина прикладывала к сердцу холодные компрессы и охала. А дядюшка-музыкант ходил по комнате и не переставал удивляться. «Не понимаю, — говорил он. — Откуда в новом доме мыши?! Это же редкость! Ты мало им уделяешь внимания!»

Я хотел сказать, что зря он обо мне так беспокоится.

Но разве тётушка Марина даст слово сказать! Она закричала, что какая-то её чаша давно переполнена, что терпение у неё лопнуло и что завтра же она уделит мне столько внимания, сколько я заслужил, — преподнесёт мне чудесный подарок. И если после того концерта дядюшку когда-нибудь опять пригласят в наш город, то всё уже будет по-другому…

Было очень неудобно, что взрослые уделяют мне столько внимания. Но я с нетерпением стал ожидать завтрашнего дня, то есть сегодняшнего, потому что тётушка Марина как раз сейчас пошла за подарком.

Теперь уже ждать недолго.

ТЁТУШКА МАРИНА ПРИНОСИТ ПОДАРОК

Вчера тётушка Марина обещала расцеловать того, кто выручит её брата. Я не люблю нежностей, но ради дружбы и покоя я бы ей это позволил.

Однако тётушка Марина утром даже не посмотрела в мою сторону. Она схватила большую сумку и куда-то отправилась.

А Петя не удержался и всё мне разболтал. Он бегал по комнате и радостно кричал:

— Ура! Ура! У нас будет сибирский кот! Мама сейчас принесёт чудесного кота!..

Я сразу догадался, что это и есть мой подарок. Тётушка Марина слово своё сдержала…

Ой, кажется, звонят. Кто-то пришёл… Ну да, это она, тётушка Марина с подарком!.. Что же я стою? Надо ведь что-то делать!.. Я знаю что: я возьму и спрячусь в свою норку. Когда приносят подарки, все бегут навстречу, а меня не будет. Петя и тётушка Марина начнут удивляться, искать и спрашивать: «Где он? Где он?» А я высунусь из норки и скажу: «Здрасьте, я здесь! Я пошутил!»

И всем станет очень весело. Ну, а там видно будет — сидеть ещё в норке или выходить… Извините — бегу! И, пожалуйста, не обижайтесь на меня. Живы будем — увидимся! Не знаю только где… А пока — всего хорошего! До скорой встречи!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЫЦИК И КЫЦИК

Ещё раз здравствуйте! Какая приятная встреча! А я уже думал — больше не увидимся… Что же вы опять не туда смотрите? Это же слон. А я — здесь внизу, возле мартышкиной клетки. Помните, мы с вами знакомились у тётушки Марины? Давно это было, много крупы с тех пор просыпалось. Вот уж действительно не знаешь, где встретишь старых друзей. Правду говорят, что все дороги ведут в цирк… А как вы узнали, что я теперь выступаю в цирке? Ах, вы просто пришли на экскурсию. Это правильно. К нам в цирковые конюшни каждый день приходят взрослые и дети. Звери любят смотреть на разные экскурсии. Это место по старинке называется «конюшнями», а живут здесь разные звери, все, которые выступают в цирке.

Вот это, например, учёный гусь. А это — медведь Косолапыч.

А это наш директор Кузьма Иванович. А это — дрессированный козёл Бодай; а это укротительница львов и тигров тётушка

Кнутикова… Мы уже с ней один раз выступали. А это её львы…

Вам очень повезло, что мы снова встретились. Теперь по знакомству вы получите в цирке самые лучшие места — под стульями первого ряда…

Вы спрашиваете, как я сюда попал? О, это целая история, и притом непростая. Я теперь уже не тот Мыцик, что прежде, — другой. С тех пор разное случалось. Как говорится, не всё коту масленица, не всё мышке пышки…

Да, на мне теперь большие заботы. Я ведь здесь не один, со мной кое-кто ещё…

Хотите знать, как это случилось? Пожалуйста. До начала представления времени ещё много, успею вам рассказать. И прежде всего о том,

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ПОДАРКОМ ТЁТУШКИ МАРИНЫ

Вы, конечно, помните, чем кончилась прошлая история. Так вот, когда тётушка Марина принесла мне в подарок сибирского кота, я остался в своей норке: не хотел, чтобы меня считали жадным. Но тётушка Марина и Петя обо мне вдруг забыли.

Они стали носиться с этим подарком по комнате и говорить о нём разные приятные вещи.

— Ах, какие у нас бархатные ушки! — мурлыкала тётушка Марина.

А Петя добавлял:

— И усы.

— Ах, какие у нас беленькие зубки!

А Петя добавлял:

— И хвост!

— Ах, какие у нас чудесные коготочки!

А Петя добавлял:

— И глазищи!

Из этих разговоров я понял, что мне достался очень хороший экземпляр, с «зубками», «коготками», «глазищами», и я должен сам поскорее на него посмотреть.

Когда тётушка Марина и Петя ушли, я тихонечко высунулся из норки и сразу всё увидел. Мой миленький, хорошенький подарочек сидел под обеденным столом и светил своими зелёными глазищами. Он был очень сибирский, очень важный, и на шее у него висел шёлковый бант.

«Как же я в своём сером виде появлюсь перед таким франтом?» — подумал я и сразу вспомнил про тётушку Марину. Она всегда к приходу гостей делалась красивой: рисовала себе розовые щёки, белый нос и чёрные брови. Я решил тоже стать красивым и быстро забрался на туалетный столик тётушки Марины.

Оказывается, она и здесь обо мне позаботилась: выставила разные духи, помады, тушь, а пудреница даже была открыта, и в неё положена мягкая пуховочка. Но больше всего меня обрадовал мой собственный живой портрет. Он стоял прямо передо мной и делал то же, что и я: махал хвостом, умывался, обнюхивал всё вокруг. Я сперва подумал, что это другой мышонок, но, когда потрогал лапой, понял, что это стекло. Тут я ещё раз убедился, что тётушка Марина меня очень любит, потому что иначе она не стала бы выставлять мой портрет на самом видном месте.

Я минутку полюбовался собой и приступил к делу. Прежде всего я чёрной тушью покрасил усы, и они сразу заторчали как полагается.

Потом я стал душиться духами под названием «Пиковая дама». Но случилась неприятность: вся «Пиковая дама» вылилась на меня и я чуть не задохнулся в её аромате. Тогда я поскорее стал пудриться. Сунул два раза нос в коробочку и посмотрел на свой живой портрет, — никакого впечатления, пудры даже не видно. «Эх, было бы красиво, если бы нос у меня был большим, как у тётушки Марины!» — помечтал я. Но вы же знаете, какой он у меня — меньше спичечной головки. Пришлось пудриться целиком. Я залез в пудреницу и выкупался. Получилось великолепно. Я даже тогда подумал: «Если бы коробочка от пудры была величиной с ванну, тётушка Марина тоже пудрилась бы целиком».

Теперь я был очень похож на не очень белого медведя. Я даже тихонько порычал для важности и пошёл знакомиться. По дороге я так размечтался о своей красоте, что не заметил, как подкатился под самый нос дорогого подарочка.

И тут стряслась беда.

Глаза у кота стали как две столовые ложки, он весь задрожал, зажал лапами нос и зашипел: «Ф-ф-ф, какой дух!» Потом стал на задние лапы, охнул и рухнул на спину. Упал — не дышит.

Я к нему:

— Ну, миленький! Ну, маленький! Ну, котик мой, не бойся, я тебя не съем! Я за тебя заступаться буду…

Поздно: усы уже не шевелились. Погиб! От страха погиб. «Эх, глупая моя голова! Глупый хвост! — стал проклинать я себя. — Как же я сразу не подумал, что такое может случиться?! Уж на что тётушка Марина большая, и то, видя меня, всегда в обморок падает… О горе, горе! Убийца я! Жестокий убийца!.. Что теперь скажет тётушка Марина?! Она никогда мне этого не простит…»

Но только я произнёс имя тётушки Марины, как тут же воспрянул духом. Я вспомнил, что у неё есть волшебное средство на все случаи смерти, и решил немедленно этим воспользоваться.

ВОЛШЕБНОЕ СРЕДСТВО

Не успели ещё просохнуть слёзы на моих усах, как я уже сидел в домашней аптечке. Перебирая таблетки и пузырьки, я припомнил, что, когда тётушка Марина кричит «умираю!», она пьёт валерьянку.

Понадобилась одна минута, чтобы чудесная бутылочка очутилась перед погибшим котом. Я мигом выкусил пробку и капнул волшебным напитком на холодный сибирский нос.

Чудо произошло. Мой подарок широко раскрыл глаза и удивлённо посмотрел по сторонам. А через секунду он стал в сто раз живее, чем до своей смерти. Хвост и лапы его задрожали, глаза завертелись, нос стал шнырять из стороны в сторону. Наконец он догадался, откуда исходит волшебный запах. Он схватил дрожащими лапами бутылочку и давай лакать, примурлыкивать: «Мяу-мурляу! Лакау-мурляу!..» — И всю одним духом вымурлыкал.

Комната сразу пропахла валерьянкой. А кот стал на задние лапы, стукнул себя кулаком в пушистую грудь и заговорил так, будто у него в животе застрелял игрушечный пистолет: «Ик… Ик… Ик…»

— Ты знаешь, ик-то я такой? — спросил он меня.

— Не знаю, — притворился я.

— И я ик-не знаю, — сказал он. Потом покатал по полу пустой пузырёк и сказал: — А это ик-то такое?

— Валерьянка, — говорю.

— Эх, весёлая валянка! — сказал он, покатился колесом по полу и начал делать стойки на голове. А потом скосил глаза так, что один оказался между ушами, и спрашивает:

— Ты мне ик-друг?

— Друг, — говорю.

— А ты меня ик-уважаешь?

— Ик, — говорю, — очень. И если тебе нравится валерьянка, достану тебе ещё десять таких бутылочек.

Как бросится он ко мне — чуть не задушил от радости. А потом стал облизывать от хвоста до ушей. Тут я его спросил:

— А как тебя зовут?

— Кыц-ик, — говорит.

— А меня Мыц-ик, — отвечаю.

— Очень ик-приятно, — сказал он и протянул мне кончик своего хвоста.

Я с удовольствием пожал его и спросил:

— Ты меня теперь больше не боишься?

— Ик… не знаю, — сказал он, да как рявкнет: — Я теперь ик-никого не боюсь! — И пошёл на задних лапах по комнате.

«Удивительная вещь валерьянка! — подумал я. — Мёртвого оживила и на задние лапы подняла! Теперь я понимаю, почему тётушка Марина так свободно на задних ногах ходит…»

А котик мой разошёлся вовсю: завертел хвостом, как пропеллером, и хотел залететь на люстру. Потом стащил со стола скатерть, завернулся в неё, как в плащ, и запел какую-то кошачью арию.

Мне тоже захотелось иметь такой плащ, и я стал тащить скатерть с туалетного столика. Верный друг Кыцик тут же стал помогать мне, и на нас посыпались коробочки, помады, разные бутылочки, флаконы. Наша дружба сразу запахла всеми духами. Потом нас накрыла скатерть, и стало темно, как в моей норке.

В это чудное мгновение в комнату вошли тётушка Марина и Петя.

— Ага, попались! — радостно закричал Петя и бросился в нашу компанию. Тётушка Марина, конечно, тоже. И тут наша игра расстроилась, потому что в «кошки-мышки» лишние игроки не нужны. Кроме того, засиживаться в гостях, даже у соседей, не очень прилично, и я решил поспешить домой. Я заметил под скатертью щёлочку, крикнул Кыцику: «До завтра!» — и выскочил вон.

Уже из своей норки я услыхал, как тётушка Марина стала чем-то угощать Кыцика и приговаривать: «Вот тебе! На тебе! Вот тебе! На!»

И он сразу запел другую песню.

Больше я ничего не слыхал. Я так нанюхался валерьянки, что стал засыпать и в голову полезли разные весёлые сны. Например, в одном из них я чуть не съел своего Кыцика. Но наутро началась новая, не очень радостная история.

КЫЦИК НАЧИНАЕТ ОХОТУ НА МЫШЕЙ

На рассвете я застал Кыцика в слезах.

— В чём дело? — спрашиваю. — Кто тебя обидел?

И Кыцик, жалобно всхлипывая, сказал:

— Тётушка Марина тычет меня носом во все углы и требует, чтобы я ловил каких-то мышей. А как я могу ловить каких-то мышей, если я их в жизни не видел?.. Дорогой Мыцик, ты же очень умный, ты же всё знаешь — расскажи хотя бы, какие они с виду. Я тебе этого вовек не забуду!

— Конечно, с охотой! — отозвался я. — Тебе просто повезло, что перед тобой стою именно я, а не кто-нибудь другой. Лучше меня никто не расскажет, какие бывают мыши…

Я уже хотел вытянуться перед ним во весь рост и сказать: «Смотри, это и есть тот, кого ты ищешь!», — но вдруг подумал: «А если он примет мои слова за шутку и не поверит? Слишком уж всё просто получится: только пожелал и — пожалуйста».

И я тут же нашёл самый чудесный и весёлый способ, как познакомить его с мышонком. Я вспомнил про свой живой портрет.

— Не поленись, — сказал я Кыцику, — залезь на туалетный столик тётушки Марины, там ты сразу увидишь мышонка и узнаешь, какими они бывают.

Кыцик не дослушал меня и бросился к туалетному столику. Он вскочил на него, и тут произошло самое неожиданное.

Я смотрел с пола на эту картину и удивлялся.

Сперва у Кыцика было такое выражение, словно он увидал там самого себя. А через мгновение шерсть на нём вздыбилась, хвост поднялся трубой, и он как зашипит: «Так вот какие мыши! Ну, берегись!»

И бросился вперёд.

Я от страха зажмурил глаза и открыл их только тогда, когда услыхал сильный удар, а затем звон разбитого стекла. Весь пол был усеян блестящими осколочками. Бедный Кыцик сидел на полу и

жалобно пищал. На его лбу, точно третье ухо, торчала огромная шишка.

Мне стало очень жаль своего портрета, но ещё больше я переживал за беднягу Кыцика. И только я собрался его утешить, как в комнату влетел Петя. Он посмотрел на пол и затанцевал от восторга.

— Ура! — закричал он. — Теперь я богаче всех мальчишек! У меня сто зеркальных осколочков. Я каждый день буду пускать солнечных зайчиков.

Тётушка Марина тоже вбежала в комнату и набросилась на Петю. Она решила, что осколочки — это его работа. Но шишка на лбу Кыцика открыла ей, кто настоящий виновник.

Пете было приказано провести с Кыциком воспитательную работу и раз навсегда объяснить, чем он должен заниматься в доме.

Петя немедленно принялся за порученное дело.

КАК КЫЦИК ПОЙМАЛ ТЁТУШКЕ МАРИНЕ МЫШКУ

Не успел я утром вытянуть хвост из своей норки, как услыхал дрожащий голос Кыцика:

— Не подходи! Не подходи ко мне близко! Я уже всё знаю!

— Что знаешь? — спросил я.

— Я уже знаю, какие бывают мыши.

— Что же тут удивительного, — заметил я. — Мы с тобой знакомы не первый день, и потом, ты видал мой портрет.

Но Кыцик при упоминании о портрете только простонал и отвернулся.

— Как же ты всё-таки узнал об этом? — спросил я. — Объясни толком.

И Кыцик пропищал:

— Меня научил Петя. Он поймал меня, усадил за свой учебник и начал приговаривать: «Учись! Учись! Учись!..»

— Ну и что из этого?

— А то, что в учебнике был нарисован ты, а Петя без конца повторял: «Это мышь! Это мышь! Лови мышей!..» Теперь я знаю, кого мне надо ловить.

— Да, — согласился я, — если дело дошло до учебника, тогда всё понятно. Учебник — великая сила! Это я на себе проверил. Однажды тётушка Марина меня им по голове стукнула, так я до сих пор помню этот урок.

Тут Кыцик начал рыдать и, глотая слёзы, сказал:

— Теперь, если я тебя не поймаю и не уничтожу, мне в доме жизни не будет, меня выгонят на улицу. Что я, несчастный, там буду делать?

Бедный Кыцик рыдал, а я переживал и думал, как его выручить. Ведь, кроме меня, в этом деле никто ему не мог помочь.

«Ну что ж, — сказал я себе. — Раз ты друг, то раздумывать нечего — выручай!» Мне, конечно, стало себя немножечко жаль, потому что я всё-таки тоже живое существо. Но я набрался духу и сказал ему:

— Вот что, Кыцик, не плачь, я тебе помогу!

— Как? — простонал он.

— Очень просто. Ты должен меня поймать и немножечко уничтожить.

Кыцик весь задрожал, выпучил глаза и, заикаясь, спросил:

— Ты… ты так думаешь?

— Конечно, другого выхода у нас нет. Так что давай прощаться. — И я протянул ему обе лапы.

Кыцик нежно обнял меня, и мы зарыдали вместе. Потом он спросил:

— Ну а что я теперь должен делать?

— Известно что, должен меня съесть.

— Как, всего?! — ещё больше ужаснулся Кыцик.

— Да, всего.

— И твои ушки?

— И мои ушки.

— И твой носик?

— И мой носик.

— И твой хвостик?

— И мой хвостик…

— Ой, что же я, несчастный, буду делать?! — рыдал Кыцик и ещё крепче прижимал меня к своему сердцу.

— Ну, ладно, — сказал я, утирая слёзы. — Нечего тянуть, для меня это не очень большое удовольствие. Начинай!

— Не-е могу! — простонал Кыцик. — По-омоги мне!

Легко сказать «помоги»! А как? Не стану же я сам себя есть…

Тут я вспомнил, как тётушка Марина угощает Петю конфетами, и скомандовал:

— Открой рот и закрой глаза! И не открывай, пока я не сосчитаю до трёх.

Кыцик послушно исполнил приказание.

— Раз! — сказал я. — Два! Два с половиной…

— Стой, стой! — закричал вдруг Кыцик. — Подожди!..

— Чего ещё ждать?

— Послушай, — дрожащим голосом сказал он. — Может быть, у тебя есть другой мышонок. Такой же, как ты, только совсем другой…

— А что, я тебе не нравлюсь? — хотел было обидеться я, но тут же всё понял и побежал к свалке Петиных игрушек.

Кыцик бросился следом за мной. На ходу я ему сказал:

— Сейчас ты поймаешь тётушке Марине мышку, и тебе не надо будет страдать. Вперёд! Вперёд!

Мы разбросали все Петины игрушки по комнате и отыскали мышку, чудесную замшевую мышку с резиновым моторчиком, ну почти совсем, совсем как настоящую. Хвостик у неё был ручкой, с помощью которой заводился моторчик.

— Вот, получай! — сказал я Кыцику. — Думаю, тётушку Марину она вполне устроит. Уж на что Петя капризный ребёнок, и то очень любил с ней играть… Неси её тётушке Марине и миритесь…

А вечером произошло вот что. Кыцик хотел сделать как получше, приятно удивить тётушку Марину. Он накрутил мышке хвостик и положил её на постель, на белую подушку.

В этот день у тётушки Марины было много утомительных хлопот, и она решила пораньше уснуть. Но как только она легла на постель, послышалось жужжание мышиного моторчика, и тётушка Марина

начала высоко подпрыгивать, как будто все пружины матраца сговорились и взялись дружно подбрасывать её к потолку. Когда же тётушка Марина стала двумя ногами на пол, то смогла произнести только пять слов: «Петя, ремень и Кыцика сюда!..»

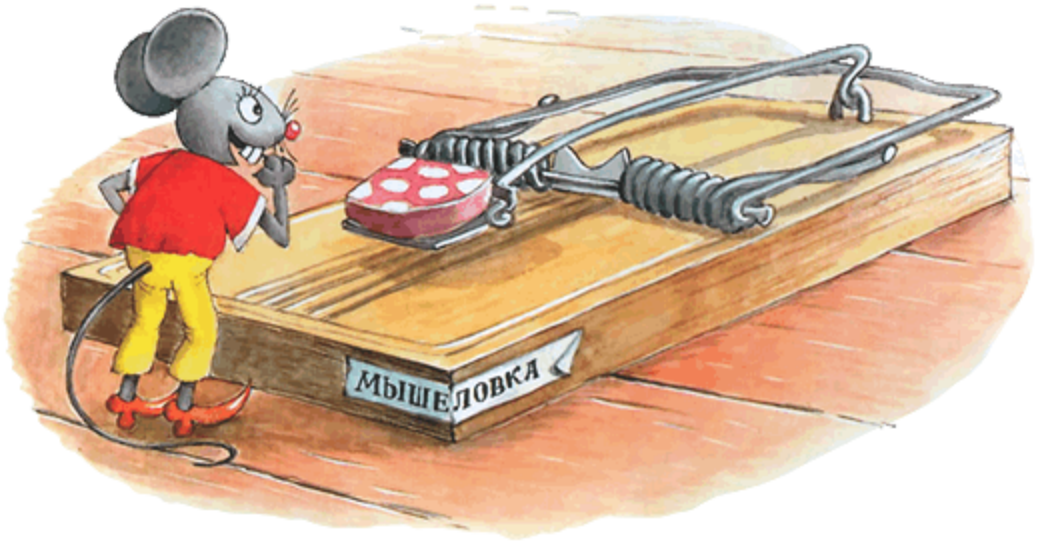
Полночи я утешал своего доброго друга, уверял, что всё к лучшему, что теперь тётушка Марина больше не будет требовать от него мышей, потому что не любит спать с ними в одной постели. Так оно и вышло.

НОВАЯ ЗАБОТА ТЁТУШКИ МАРИНЫ

Утром у входа в свою норку я обнаружил одну странную вещь: подносик с разными проволочками и пружинками. Если бы на нём не было свежего ломтика колбасы, я принял бы его за Петину игрушку. Но скоро я понял, что это, должно быть, модная посуда. Тётушка Марина часто покупала новую посуду, потому что и она, и Петя любили делать из тарелок разные осколочки. Но посуда, которая стояла передо мной, была другого сорта: её нельзя разбить, она была из дерева.

«С чего бы это тётушка Марина стала проявлять обо мне такую заботу? — подумал я. — Слава Богу, я ни в чём не нуждаюсь, и незачем мне устраивать завтраки с доставкой на дом… Да, видно, доброта тётушки Марины не имеет границ».

Тут я разглядел на подносике буквы. Наши занятия с Петей не прошли даром. Не знаю, как он, а я научился немножко читать по складам. С той стороны, где я стоял, на подносике было написано: «Л, О = ЛО; В, К, А = ВКА». Вместе получается «ЛОВКА»… «Ну и тётушка Марина, — ещё раз удивился я. — Всегда что-нибудь ловкое придумает! Надо ещё с другой стороны прочитать». И я прочитал: «М, Ы = МЫ; Ш, Е = ШЕ…» Получается «МЫШЕ», то есть мне. Очень правильно, ведь это мне и поставлено. Ну а вместе, с двух сторон, получается — «МЫШЕЛО…» Что?! Мышеловка?! Ай! Что же это значит?! Кого-то хотят словить?! Нет, тётушка Марина здесь ни при чём. Тётушка Марина, наверное, об этом даже не знает и, не дай Бог, сама может словиться… И Кыцик не знает. А ведь он очень жадный, увидит колбаску, схватит и попадётся!.. Надо немедленно их предупредить!



И я стал звать: «Кыцик! Кыцик!..» Но он как сквозь землю провалился.

И тётушки Марины не видно.

Обегал я всю квартиру — никого не нашёл. А когда вернулся в кухню, беда уже произошла. Кыцик сидел перед «ловкой», дул на свою распухшую лапу и орал:

— Мяу-у! Мяу-у! Ой, мяу!..

— Ах, беда моя! — всплеснул я лапами. — Да как же это с тобой произошло?!

— Не-е зна-аю, — сквозь слёзы простонал он. — Это меня колбаска ударила, ой, ой, ой…

— Колбаска?! — удивился я. — Да что она — взбесилась, что ли?! Нет, Кыцик, это всё твоя жадность, это потому, что ты не прочитал, что написано на подносике. Вот прочитай, ведь это же «Ловка». Она всех ловит. Поэтому ты и пострадал… Ну что мне с тобой, непутёвым, делать?!

— Ой, моя лапочка! Ой, я несчастный! — орал Кыцик. — Ой, что же я теперь буду делать!..

Мне стало жаль своего Кыцика, я даже заплакал.

— Ты из-за меня плачешь? — спросил Кыцик.

— Да, — ответил я, утирая слёзы. — Из-за тебя и ещё из-за тётушки Марины тоже. Она не переносит чужих страданий. Увидит твою распухшую лапу и ещё умрёт от горя. У нас однажды так было, когда Петя прищемил дверью пальцы. Пришлось тётушке Марине вызывать «скорую помощь».

Но Кыцик не успокаивался.

— Я знаю, — орал он. — Я хорошо знаю, что тётушка Марина для меня поставила эту кошколовку… И ремень она тоже специально для меня держит… Я думал, что он нужен для Петиных штанов, чтобы они не спадали, а тётушка Марина меня уже три раза этим ремнём стегала, ой, ой, ой!

— Ну и что же? — сказал я. — Она и Петю им иногда стегает. Нет, Кыцик, ты всё-таки неправильно понимаешь. Я прежде тоже ошибался и принимал разные полезные поучения за обиды. А что касается ремня, так это она делала для опрятности: она тебя не стегала, а пыль выбивала. Посмотри, какой ты мохнатый!.. Она каждое воскресенье все шерстяные вещи выколачивает. Так что ты не обижайся на тётушку Марину.

Тут Кыцика вдруг словно взорвало. Вся сибирская шерсть стала на нём дыбом, спина выгнулась, и он заорал:

— Не хочу я слушать про твою тётушку Марину! Не хочу я видеть твою тётушку Марину! Не верю я больше ни одному её слову! Обещала сливками кормить, рыбкой, печёночкой, тушёночкой… Ой, ой, ой! Хватит с меня! Не нужны мне больше ремни и кошколовки! Не хочу здесь быть, ухожу-у-у!

— Куда же ты пойдёшь один?! — испугался я.

— На улицу! На улицу пойду! Пусть меня загрызут собаки! Пусть меня раздавит автобус! Тётушка Марина будет знать, как обращаться с сибирскими кошечками… Собирайся, Мыцик! Скорей, потому что я один боюсь идти на улицу!..

— А как же тётушка Марина? Она не переживёт этого!

— И я не переживу. Я боюсь один ходить по улицам. Неужели же ты меня бросишь одного, когда у меня так болит лапка?! Ой, моя лапочка!..

— Конечно, не брошу! — поспешил я утешить своего Кыцика и стал думать, как быть. Но тут я заметил, что вход в мою норку аккуратно забит круглой дощечкой. Это Петя закрыл мою норку на капитальный ремонт. И я сказал Кыцику:

— Ладно, идём. С сегодняшнего дня у меня небольшой отпуск, и я могу распоряжаться собой как хочу.

И мы, не простившись, ушли из дому. Сперва через кладовку спустились в подвал, нашли там большую щель и выползли на улицу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЫЦИК, КЫЦИК И ЦИРК, КУДА ВСЕМ НУЖНО ИДТИ

По улицам ходит очень много ног, и для мышонка даже самый маленький ботиночек вполне подходит, чтобы накрыть его с головой и с хвостом. А кошкам кажется, что каждый третий пешеход ходит по улице с собакой. А может, так оно и есть. В общем, ходи да поглядывай: верти головой вверх, вправо и влево. А если на твоих руках беспомощный и трусливый инвалид, тогда хуже…

Теперь у бедняги Кыцика никого, кроме меня, не осталось: круглый сирота. И, кроме того, он заявил, что жить на свете не сможет, если рядом не будет меня, мышонка. Кто-кто, а я его хорошо понимаю.

Вот так мы и шли по улицам, шли медленно, потому что Кыцику было больно ступать на распухшую лапу. Я его очень жалел и всё время думал, чем бедняге помочь. Наконец придумал.

Я сказал ему:

— Обопрись больной лапой о мою спину, и тебе легче будет ходить.

— С удовольствием! — воскликнул Кыцик и положил на меня тяжёлую лапу.

— Ну, как? — спросил я. — Легче?

— Намного. А главное, очень приятно.

— Что — приятно? — удивился я.

— Когда кошачья лапа лежит на мышиной спине. Очень приятно. Я даже чувствую, как она выздоравливает.

Я тоже почувствовал, что какие-то острые крючочки стали царапать мне спину, и сказал Кыцику:

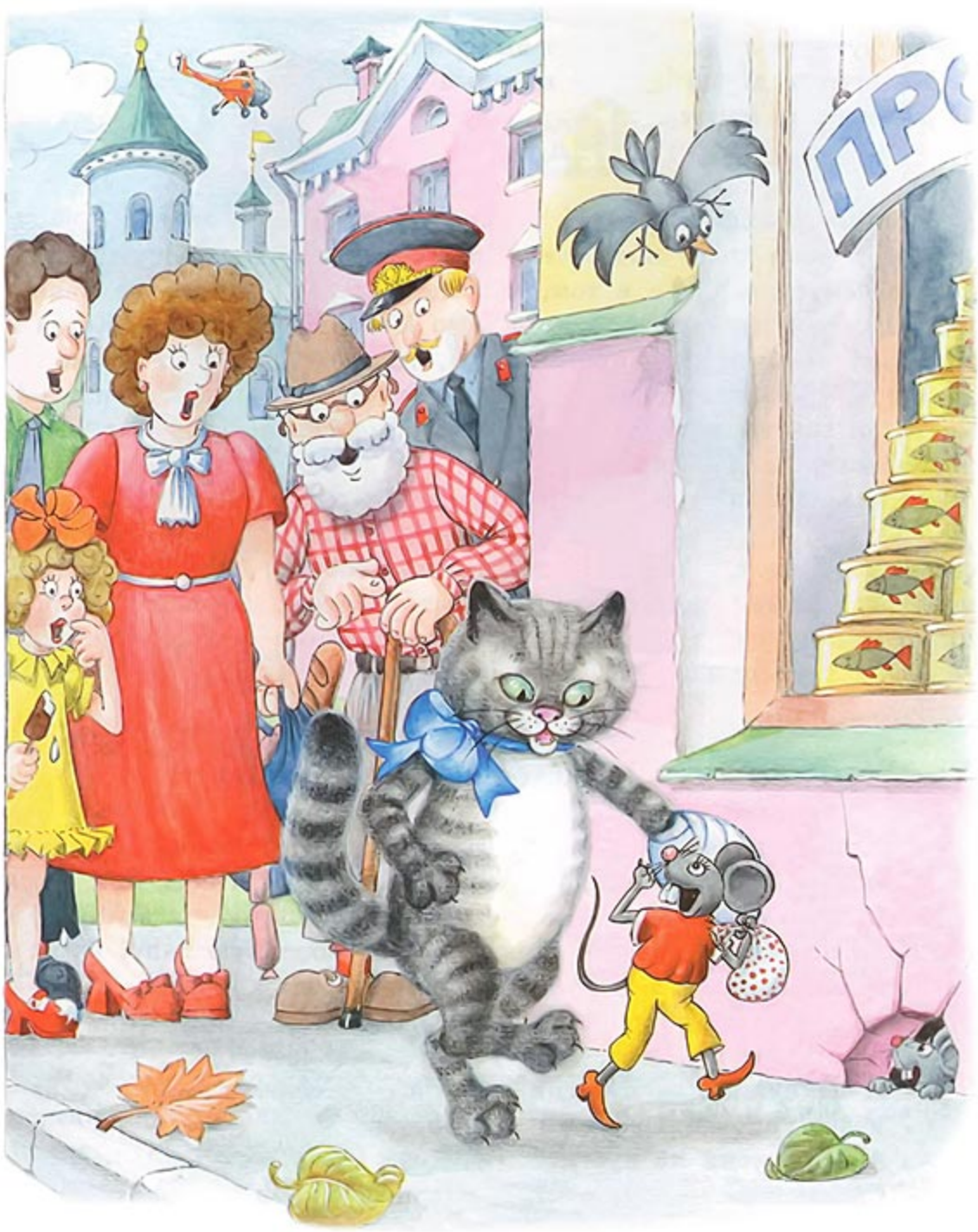
— Ты на меня не обижайся, но я должен заметить, что на мышиной спине значительно приятнее чувствовать больную, а не здоровую лапу.

— Это у меня коготки из подушечек вылезают, — объяснил Кыцик.

Но тут разговор пришлось прекратить. Мы заметили, что все прохожие смотрят на нас и с уважением уступают дорогу.

— Вот так чудеса! — говорили они. — Кошка с мышкой ходят в обнимку!

— Это хороший признак! — говорили другие. — Очень хороший!..



А мы с Кыциком удивлялись, почему они удивляются. Что странного в том, что мышка дружит с кошкой? Когда в доме на всех хватает еды — никто никого не ест. Возьмём, к примеру, наш дом: сколько мы в нём живём, а до сих пор Петя не съел тётушку Марину, а

я — Кыцика. Непонятно другое: куда спешат все эти люди? Если бы мы это знали, мы бы тоже туда направились.

Но город тем и отличается от леса, что в нём всё известно. На всех перекрёстках написано «Переход!», всюду нарисованы стрелки. Если целы ноги — ходи куда хочешь. Кроме того, полно всяких плакатов и вывесок. Мне, например, приятно было прочитать плакат с надписью: «БОРИТЕСЬ С МЫШАМИ!» Я до сих пор и не знал, что мышей считают такими сильными и приглашают с ними бороться. А в витрине магазина, где продавались разные машины, висела табличка «МЫШИННОЕ МАСЛО»… Очень нас уважают!

Короче говоря, мне пришлось взяться за дело и выяснить, куда идут все люди. И я это выяснил.

На стенах домов висели цветные афиши, на которых яркими буквами было написано:

ВСЕ В ЦИРК!

А снизу большая стрелка указывала, куда надо идти.

Тут у меня сразу повеселело на душе, словно я увидал целый килограмм сала. Дело в том, что цирк для меня был не новинкой: я с ним давно познакомился по Петиным книжкам. Когда я обгрызал с корешков лишний клей, то прочитывал их от корки до корки и рассматривал все картинки. Так что цирк я изучил, как свой собственный хвост. Поэтому, хорошо всё обдумав, я решительно заявил Кыцику:

— Мы идём в цирк! Нам непременно нужно там быть. И вообще, Кыцик, я думаю, цирк — самое хорошее и весёлое место на свете. Тебе это скажет даже маленький ребёнок. По моему мышиному разумению, весь мир должен быть устроен, как один большой цирк, потому что в цирке все выступают и никто никого не ест!..

И мы поспешили туда, куда указывала стрелка.

МЫ С КЫЦИКОМ ПОПАДАЕМ В ЦИРК

В цирк шли все. Маленькие дети вели туда своих бабушек и дедушек, а взрослые — домашних животных, чтобы они тоже научились делать разные весёлые штучки. Кыцику так захотелось поскорее попасть в цирк, что он забыл про больную лапу, мурлыкал от нетерпения и без конца задавал глупые вопросы.

Возле цирка он спросил:

— А как мы пройдём, если у нас нет билетов?

— И не нужно, — ответил я. — Мы пройдём там, где проходят все дрессированные звери и артисты.

— А если меня не пустят?

— Скажешь, что ты со мной. Главное, молчи про больную лапу, потому что цирковых артистов с больными лапами не бывает… Ну как, болит ещё твоя лапа?

— Нет, нет, уже давно не болит! — заверил меня Кыцик.

— Тогда, пожалуйста, сними её с моей спины.

— У-у, противная, — заворчал Кыцик. — Это она сама всё время тебе на спину лезет…

Тут мы как раз подошли к служебному входу. Дверь широко распахнулась, и какая-то тётенька вымела на улицу мусор.

— Вот видишь, — сказал я Кыцику. — Нас уже встречают: дверь открыли и дорожки подмели!

И сразу из цирка послышался звонок. Мы прошмыгнули в середину и попали в большое помещение. Народу было полным-полно.

— Ни одного свободного места, — печально вздохнул Кыцик.

— А вон видишь балкончик, с бархатными перильцами? — сказал я. — Он пустой, значит, для нас и приготовлен.

Мы быстро вскарабкались на балкончик и уселись на мягкие бархатные перильца. Все сразу стали смотреть в нашу сторону.

Тогда я понял в чём дело.

Это была директорская ложа, и зрители, наверное, приняли меня за директора.

«Ну и пусть, — подумал я, — так хоть не выгонят».

Видно, нас ожидали, ибо, как только мы уселись, грянула музыка и на арену вышли артисты.

Первое отделение программы нам с Кыциком не очень понравилось. Клоуны без конца колотили друг друга бамбуковыми палками и орали на весь цирк. Кыцик то и дело жмурил глаза и дрожал.

— Что с тобой? — спросил я его.

— Смотри, Мыцик, — заикаясь, сказал он. — Эти клоуны уже начали выбивать друг из друга пыль, скоро до нас доберутся.

Я его успокоил и объяснил, что это они выбивают не пыль, а смех из зрителей.

И действительно, чем сильнее клоуны тузили друг дружку палками, тем громче смеялись зрители.

Самое интересное было во втором отделении. Но об этом особый разговор.

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ

Во втором отделении выступала укротительница львов и тигров тётушка Кнутикова. Сперва на арене построили большую клетку. За ней, с двух сторон, поставили дядюшек с золотыми чайниками на головах и толстыми резиновыми шлангами в руках.

Когда всё было готово, в клетку вбежали шесть львов и четыре тигра. А потом к ним выпустили укротительницу. Она сразу стала щёлкать кнутами и кланяться, а львы и тигры рычали от удовольствия.

— Знаешь, — сказал я Кыцику, — эти большие кошки очень похожи на тебя. Они, случайно, не твои родственники?

— Мои! — с гордостью сказал Кыцик. — Я даже понимаю, о чём они рычат.

— Да, — сказал я, — хорошо бы, если бы среди них оказался твой родной дяденька или хотя бы тётенька, тогда бы нам легче было устроиться здесь на работу.

Но Кыцик не успел ответить, потому что началось укрощение. Это было очень интересно. От всего, что происходило в клетке, дух захватывало.

Кыцик не спускал глаз со своих родственников и без конца твердил:

— Смотри, смотри, какие они сильные эти львы и тигры!

А я ему сказал:

— Зато тётушка Кнутикова очень умная: она делает всё, что пожелают эти львы и тигры.

— А что они пожирают? — жадно облизнувшись, спросил Кыцик.

— Не «пожирают», а «пожелают»! — растолковал я ему. — Тебе всюду еда мерещится. Запомни, здесь не кухня и не буфет, а — цирк!.. Так вот, тётушка Кнутикова потому умная, что исполняет всё, чего от неё требуют львы и тигры. Захотят сесть на тумбочки — она им тумбочки подставляет, захотят по доске пройтись — она им доску кладёт, захотят прыгать через кольцо — она кольцо держит. Я так думаю, что она сама тоже и по доске ходить умеет, и через кольцо прыгать, но сегодня просто этого нам не показывают.

— Ты прав, — согласился Кыцик. — Она делает всё, что им нравится: и кусочки мяса даёт, и даже за ухом чешет. Это очень приятно. Я тоже люблю, когда меня тихонько за ухом чешут…

Потом он сказал:

— Очень жаль, что у них только одна умная укротительница. Если бы на каждого сильного зверя было по одному умному укротителю, тогда бы и мясо чаще доставалось, и за ушами чаще чесали. И почему это так мало укротителей?

Я подумал и сказал ему:

— Наверное, потому, что сильных много, а умных мало.

Вдруг Кыцик задрожал и запищал от восторга:

— Ой, смотри! Смотри, что они делают!

В цирке стало очень тихо, и все зрители вытянули шеи, чтобы лучше видеть, что происходит на арене.

А происходило вот что.

Тётушка Кнутикова подошла к самому большому тигру, пощупала полосатую шерсть, потом открыла его пасть и стала засовывать в неё свою голову.

— Как ты думаешь, — прошептал Кыцик, — для чего она это делает?

— Ясно для чего, — ответил я, удивляясь необразованности Кыцика. — Она примеряет на себя этого тигра. Женщины любят всё примерять, особенно если эта штука с мехом. Только я на месте тигра не стал бы брать в пасть её голову, а потребовал бы головку голландского сыра. Я уверен, что пара головок сыра в цирковом буфете непременно найдётся.

Тут я почувствовал, будто меня за уши тянут на эту арену, и сказал Кыцику:

— А тебе не хотелось бы немножко укротиться?

— Хотелось бы, — пробурчал Кыцик и стал что-то бормотать по поводу сильных родственников, которым не понравится, если он без спросу полезет в их клетку.

— Ну ладно, — сказал я, — раз ты боишься, то сегодня только смотри, а в следующий раз пойдёшь тоже.

И побежал на арену.

КАК Я ВЫСТУПАЛ С УКРОТИТЕЛЬНИЦЕЙ ТЁТУШКОЙ КНУТИКОВОЙ

Когда я пробегал между рядами, публика приветствовала меня стоя, некоторые даже на стулья прыгали. Когда же я вошёл в клетку, львы и тигры зарычали так, что тётушка Кнутикова не услыхала, как я с ней поздоровался. Тогда я подошёл ближе и сказал ей, что хорошо бы сотворить что-нибудь этакое, весёленькое, с танцами и музыкой.

Но и теперь она меня не услыхала.

Тогда я стал карабкаться по её кожаному костюму наверх, чтобы сказать ей всё это на ухо. Лезть было очень скользко, но я всё-таки до уха добрался и сел на самый воротничок куртки. И тут произошла неожиданность: тётушка Кнутикова нагнулась, я не удержался и провалился ей за ворот. Однако умная тётушка Кнутикова сразу догадалась, чего я от неё хочу, и начала весело прыгать и танцевать. Я, конечно, с ней за компанию тоже попрыгал. Вот тут-то и пошло настоящее веселье. Мне за кожаной курткой хорошо было слышно, как хохотали зрители.

Наш номер мог продолжаться долго, если бы тётушка Кнутикова не перестаралась. Она выделывала такие коленца, так тряслась, что я не удержался и вывалился на арену прямо к её ногам. Львы и тигры сразу убежали с арены, а укротительница Кнутикова закричала: «Воды!» — и упала на опилки. Дяденьки с золотыми чайниками на голове мигом исполнили приказание и из толстых шлангов стали поливать её водой. А я отбежал в сторонку и стал кланяться.

На арену выбежал сам директор цирка и приказал:

— Убрать!

И тётушку Кнутикову мигом унесли за кулисы.

Так закончилось моё первое выступление. Теперь мы будем выступать с Кыциком вместе, только ещё не знаем, что будем делать.

Скорее всего, станем клоунами и будем бамбуковыми палками выбивать из публики смех. Это очень весело, и костюмы у клоунов очень красивые.

Я уже давно догадываюсь, что вам не терпится узнать, как обстоит дело с тётушкой Мариной и Петей. Потому что мы оставили их одних и ушли, даже не попрощавшись. Конечно, я обязан вам рассказать о них и сейчас же это сделаю.

КАКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ПРОИЗОШЛИ В ЖИЗНИ ТЁТУШКИ МАРИНЫ

Нам с Кыциком было очень неловко, что мы так неожиданно покинули дом доброй тётушки Марины, оставили её одну, без помощников. Но что поделаешь, если в цирке мы оказались в тысячу раз нужней. Долго мы думали, чем бы её отблагодарить, и счастливый случай помог нам.

Как-то, прогуливаясь по цирковому подвалу, мы обнаружили, что, кроме нас, здесь полно мышей и кошек. Кошки здесь тоже не могут дня прожить без мышей и то и дело бегают за ними.

А выступать на арене они не умеют, поэтому прозябают и еле сводят концы с концами.

Мы спросили, почему они не переселяются в другое место?

Мыши и кошки объяснили, что нынче с жильём стало туго, что деревянных домов в городе почти не осталось.

Тут мы немедленно сообщили им про нашу тётушку Марину, про её чудесный деревянный дом и заверили, что она всегда будет рада иметь у себя таких приятных соседей.

Мыши и кошки очень расчувствовались. Они заявили, что давно мечтали о такой тётеньке и если мы им покажем к ней дорогу, то будут век нам благодарны.

Для меня с Кыциком это был чудесный выход. Вместо нас двоих тётушка Марина получала целую дивизию мышей и в придачу к ней роту кошек. Теперь она, конечно, забудет про обиду да ещё будет нам благодарна за услугу. Я тут же проводил их к самому дому тётушки Марины, но заходить не стал, чтобы не расстраивать её, и вернулся назад.

Обо всём остальном я знаю только по слухам. А рассказывают вот что.

Тётушка Марина очень радушно приняла всех новых жильцов и от счастья не знала прямо, куда их посадить. В доме стало так тесно, что он буквально стал трещать по швам. Хозяйке было очень неудобно перед новыми соседями, и она всё время чувствовала себя там лишней.

Тогда, подумав, тётушка Марина совершила самый благородный поступок в своей жизни: оставила деревянный дом мышам и кошкам, а сама переселилась в каменный, на девятый этаж. Вселилась и сказала: «Ну, теперь всем будет хорошо!»

И была права: мыши за ней не пошли — каменный дом им не по зубам.

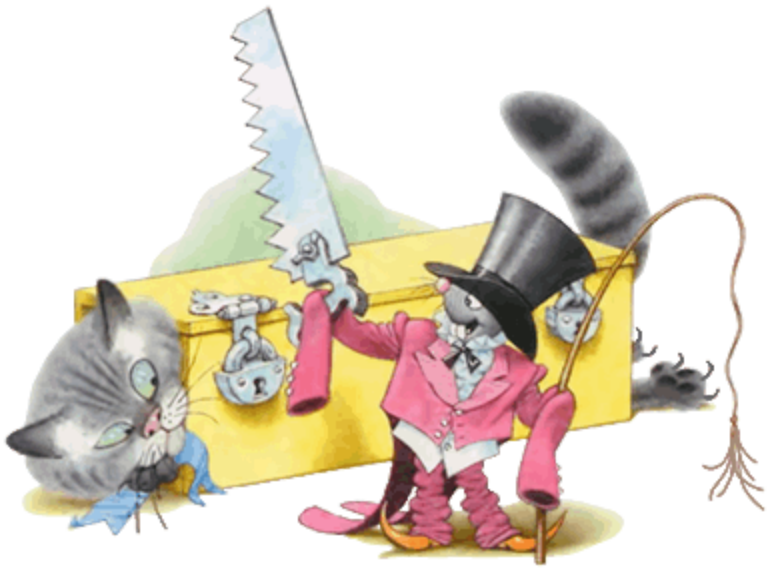
Вот и вся история. Теперь меня и Кыцика в одной компании можете встретить только в цирке. Приходите на наши представления.

Если в кассе не будет билетов, скажите, что вы ко мне, и вас пустят так.

А вот и третий звонок.

Нам пора расставаться.

Всего хорошего!



Рисунки
Г. и Е. Огородниковых
при участии
А. и И. Чукавиных